

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ВЕЛИКОГО СДВИГА ГЛАСНЫХ И УДЛИНЕНИЯ В ОТКРЫТОМ СЛОГЕ В ИСТОРИИ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Э. И. МЯЧИНСКАЯ

В настоящее время можно считать доказанным, что Великий сдвиг гласных не был, как считалось ранее, цепью притяжения или отталкивания, вызванной „заполнением пустых клеток“ в системе, но явился следствием образования просодической корреляции усечения слога, которая в ранненоанглийский период пришла на смену среднеанглийской взаимосвязанности длительности гласного и согласного (изохронии). Существование изохронии в среднеанглийском признается не всеми; мы же убеждены: просодический характер долготы в английском начался именно с этого этапа, что подтверждается также и типологическими параллелями со шведским и норвежским. С отпадением конечного безударного -e, упрощением долгих согласных и последующим сдвигом слоговых границ изохрония сменилась другой просодической корреляцией – усечения слога [Мячинская, Клейнер, 1980]. В условиях корреляции усечения слога долгота и дифтонгоидность – это фонетические реализации свободного примыкания гласного к последующему согласному, которое противопоставляется плотному примыканию, когда гласный краток. Ранее мы уже рассматривали результаты сдвига в диалектах, материал которых полностью подтверждает данную теорию [Мячинская, 1979]. Действительно, поскольку в языках с корреляцией усечения слога долгота и дифтонгоидность сами по себе не существенны, среднеанглийские долгие, превратившись в ранненоанглийском в неусеченные, могли сохранить свои фонетические реализации (остаться долгими) или, следуя модели новых монофонемных дифтонгов на [-i] и [-u] из среднеанглийских бифонемных сочетаний, могли развить глайды и превратиться в истинные дифтонги и дифтонгоиды. Именно так обстоит дело с большинством диалектных реализаций гласных, образовавшихся по сдвигу: среднеанглийское (далее с.а.) *ā* (make, spade) в диалектах дает [a:, ia, ja, ai, ea, aei, āi] и пр., с.а. *ū* (house, now) остается [u:] на севере – [hu : s, nu :ʒ].

¹ Все диалектные данные приводятся по „Обзору английских диалектов“ Г. Ортона [Orton, 1962–1973].

Просодическая корреляция усечения слога оказалась нестойкой и впоследствии в значительной мере разрушилась, сменившись фонематическим противопоставлением монофтонг (= краткий) / дифтонг (= собственно дифтонг или долгий, т.е. дифтонгоидный гласный). В первую очередь это касается литературного английского языка, фонологическая система которого складывалась из материала разных диалектов на основе того, что называется лондонским диалектом. Нужно также отметить, что в процессе образования нормы происходила унификация, т.е. лишь одна из нескольких возможных диалектных реализаций распространялась на целый класс слов с общим среднеанглийским гласным, что в конечном счете привело к образованию цепей, реконструируемых на основании современного литературного языка.

Можно заметить, что в процессе унификации нормой заимствовались наиболее контрастные диалектные реализации образовавшихся по сдвигу гласных. Такие реализации лучше всего обеспечивали противопоставление монофтонг/дифтонг, неустойчивое в условиях корреляции усечения слога, где дифтонг склонен к монофтонгизации, а монофтонг – к дифтонгизации [Gimson, 1964]. Таким образом, среднеанглийскому /ē/ соответствует /i:/ современного литературного языка, при наличии [e:, eə, ei, eɪ, iə, ie] в северо-восточных диалектах Мидленда; с.а. /ĕ/ – [eɪ, i:, iə] в Йорке.

Оказывается, однако, что из всех реализаций, попавших в современный литературный английский язык, только /ou/ является закономерным, легко объяснимым рефлексом среднеанглийского /ō/, образовавшимся в результате развития у этого гласного глайда [ɥ]. Все прочие гласные, независимо от того, развивали они глайды или нет, изменили свои фонетические реализации по сравнению со среднеанглийскими, ср.: /ē/ > /i:/, /ō/ > /u:/, что в традиционной трактовке сдвига получило название сужения, или /ā/ > /ei/, где помимо развития глайда произошло сужение ядра дифтонга. Таким образом, возникает парадоксальная ситуация: если раньше результаты сдвига в диалектах считались отклонением от нормы (т.е. исключением из правила „цепи“), то теперь отклонением от „нормального“ развития долгих согласных в условиях корреляции усечения слога следует считать переходы /ā/ > /ei/, /ē/ > /i:/, /ō/ > /u:/ в литературном английском языке. Истории этих гласных и посвящена настоящая статья.

История современного английского /ei/

Многие авторы отмечают, что дифтонг /ei/ современного литературного языка развился не непосредственно из с. а. /ā/, а из /æ/ [Смирницкий, 1965, с. 101, прим. 17; Dobson, 1957, § 98]. Правда, по мнению этих авторов, переход /ā/ > /æ/ произошел не ранее XV в. и явился первым этапом сдвига, что

по-прежнему оставляет открытым вопрос о времени и причинах изменения с. а. /ā/.

Считается, что в истории английского языка был период, когда в языке вообще не было /ā/. Границами этого периода являются переход древнеанглийского (др. а.) /ā/ в /ǣ/ и удлинение в открытом слоге. Так ли обстояло дело в действительности — неясно, поскольку переход /ā/ > /ǣ/ по времени мог совпасть с удлинением в открытом слоге (аналогичное изменение в скандинавских языках связано именно со становлением изохронии). Несомненно одно: /ā/, появившееся в среднеанглийский период, не является продолжением древнеанглийского /ā/ и, следовательно, может быть качественно иным. Очевидно также, что поскольку новый долгий гласный возник в результате удлинения краткого, его качество не могло не зависеть от качества последнего².

Когда речь идет о качестве краткого гласного нижнего подъема и о переходе д. а. æ̃ > с. а. ǣ , то исследователи основываются в значительной мере на данных графики среднеанглийских памятников, в которых на месте древнеанглийской лигатуры æ в большинстве случаев действительно стоит графема a . Между тем известно, что замена эта была произведена норманскими писцами и свидетельствует, как неоднократно указывалось, не о языковом, а об орфографическом изменении [Смирницкий, 1965, с. 100]³. Что касается качества этого гласного, то, по мнению некоторых авторов, оно оставалось неизменным на протяжении всей истории английского языка, по крайней мере в некоторых диалектах [Jassem, 1953, p. 154 — 157]. Если же говорить о действительно языковом изменении кратких гласных, то к их числу следует скорее отнести совпадение д. а. / æ̃ / и / ā /. В дописьюменном период они были вариантами одной фонемы; тщательный анализ их дистрибуции в древнеанглийском доказывает их фонемный статус [Иванова, Чахоян, 1976, с. 60]. Начиная со среднеанглийского, / æ̃ / и / ā / развиваются совершенно одинаково как в закрытом, так и в открытом слоге, ср. д. а. bæc (back), candel (candle) — [æ], д. а. castel (castle), faest (fast) — [a:], д. а. macian (make), haefene (haven) — [ei], что свидетельствует об их совпадении либо в форме [a], либо в форме [æ].

² На связь между развитием / ā / и / ǣ / в английском языке впервые обратила внимание Н. Г. Захарьина, которая рассматривает переход / ā / > / æ̃ / в связи со становлением корреляции усечения слога в раннеанглийском. Она исходит из двух положений: 1) гласный, ставший в раннеанглийском / æ̃ /, в среднеанглийском качественно представлял собой [a]; 2) взаимообусловленность развития долгих и кратких (= неусеченных и усеченных) возникла только в раннеанглийском, причем ведущим моментом она считает изменение долгих, т. е. собственно сдвиг [Захарьина, 1974].

³ Передача [æ] графемой a существует и в современном английском языке.

Как мы уже говорили, в среднеанглийском произошло первое просодическое изменение (изохрония), когда долгие и краткие гласные перестали быть самостоятельными фонемами и длительность их стала определяться типом слога, в котором они находились. Длительность, таким образом, стала позиционно обусловленной, и, следовательно, соответствующие долгие и краткие гласные, находившиеся в слогах разного типа, следует рассматривать как позиционные варианты одной фонемы. Мы, естественно, не можем с полной определенностью говорить о качестве аллофонов таких фонем, поскольку этот вопрос вообще находится за пределами фонологического описания. Применительно к рассматриваемому нами случаю мы можем предположить, что долгим аллофоном фонемы, к которой принадлежит [æ], было [ā]. Однако и здесь можно говорить лишь о палатальном и веларном аллофонах, т. е. соответственно об [æ^п] или [æ^в] и [ā^п] или [ā^в]. Или же, исходя из того, что д. а. /ǣ/ и /ǣ̄/ сливались то в одной, то в другой форме, можно предположить существование в среднеанглийских диалектах альтернации /ǣ – ā/, /ā – ā̄/, т. е. в них было как /ǣ̄/, так и /ā̄/.

Независимо от того, какое из этих двух решений будет признано верным, дальнейшая история этих гласных, связанная со становлением корреляции усечения слога, реконструируется вполне однозначно. В тех случаях, когда закрытый слог сменился слогом с плотным примыканием, качество среднеанглийского гласного сохранялось. Развившийся в раннеанглийский период неусеченный гласный мог по качеству приближаться как к [ā̄], так и к [ā], независимо от того, было ли это [ā̄] долгим аллофоном фонемы /ǣ – ā̄/ или /a – ā̄/. В результате образовались [æ:] и [a:], сохранившиеся в современных диалектах, ср.: [æ:] в Суссексе и [a:] в Вустершире, Хэмпшире и др. Таким образом, предположение о переходе /ā/ в /ǣ̄/ как о первой ступени сдвига лишено основания, так как гласный [ā̄] появился уже в среднеанглийском.

После установления корреляции усечения слога неусеченные гласные могли развивать глайды, что привело к изменениям в [ai], ср.: name, gate в Кенте (по данным А. Эллиса [Ellis, 1871]) и [æi] или [ei] на юге. Вполне возможно, что дифтонг /ei/ современного литературного английского языка возник именно в результате образования глайда у /ǣ̄/ и последующего сужения ядра дифтонга. Не менее вероятно также, что он развился из более узкого альтернанта с. а. /a/ (= [æ]) – /e/. Эта диалектная вариативность, отмечавшаяся еще в древнеанглийский период [Luick, 1964, § 362], сохраняется и в среднеанглийском. При удлинении в открытом слоге в этих диалектах могла возникнуть фонема /e – e:/ или с расширением, обычным в этом случае, – /e – e:/, что объясняет как соответствующие монофтонгоидные реализации современных диалектов, так и нормативное /ei/.

Если современное /ei/ можно с помощью приведенных выше объяснений связать со с. а. /ā/ (ǣ, ē), то /i:/ и /u:/ никак не возводятся к с. а. /i/ и /ū/. Правда, /u:/ < с. а. /ū/ встречается, хотя и очень ограниченно, в современных диалектах, ср. [hu:s] 'house' на севере. Что же касается с. а. /ī/, то оно представлено почти полностью дифтонгоидными реализациями, редко монофтонгами [a:] и [æ:] — результатами монофтонгизации дифтонгов. Все это касается исключительно /i/ и /ū/, которые были долгими еще в древнеанглийском. Тогда как другие гласные разбивались на пары долгий—краткий, распределенные соответственно по открытым и закрытым слогам, с. а. /ī/ и /ū/ не знали такого разбиения, поскольку не удлинялись в открытом слоге.

Высказывалось, впрочем, предположение, что удлинение /i/ и /u/ прошло повсеместно и с той же регулярностью, что и удлинение всех остальных гласных [Sarrazin, 1898, p. 65—86], или, более осторожно, что они удлинялись лишь в части диалектов, главным образом на севере [Wright, 1957, § 84; Ильиш, 1968, § 272]; ранее приводились факты, что эти гласные удлинялись и в южных диалектах [Koerpel, 1900; Luick, 1903, p. 199—215]. Как бы то ни было, приходится констатировать, что современные /ai/, /au/ никогда не восходят к среднеанглийским /ī/, /ū/ в открытом слоге, а источником современных /i:/, /u:/ являются с. а. /ē/ открытое и закрытое и /ō/. Именно этим гласным отводили ведущую роль в сдвиге авторы первых фонологических исследований, представившие это явление в виде цепи⁴.

Если сопоставить ставшие уже традиционными фонологические (точнее фонематические) описания сдвига, которые основываются на данных литературного языка, с его просодической трактовкой, основанной на диалектном материале, создается впечатление, что речь идет о двух совершенно не связанных между собой явлениях. Действительно, исходя из теории сдвига как следствия установления в языке корреляции усечения слога, сдвиг не мог быть изменением по цепи и начался во всех точках системы одновременно, что подтверждается данными диалектов. Однако гласные литературного языка выстраиваются в такую цепь, причем сдвиг в ней должен был начаться с дифтонгизации самых узких гласных. Последнее утверждение также не является чисто умозрительным, так как дифтонгоидность /i/ и /ū/ раньше всего получила отражение на письме [Wyld, 1936, p. 223—226].

⁴ На то, что /ā/ было лишним звеном в этой цепи, обратил внимание В. Я. Плоткий [1976, с. 82—83]. Наш материал полностью подтверждает, что с. а. /ā/, оказавшись в новых просодических условиях, переходило в /ei/ независимо от других гласных. Если считать, что сдвиг проходил по цепи, то, следовательно, это должна была быть цепь притяжения к низу системы, т. е. расширение раствора.

Как же обстояло дело в действительности? При ответе на этот вопрос нужно исходить из того, что речь здесь идет не о выборе одной из двух возможных интерпретаций — фонематической и просодической, а о характере участия в сдвиге фонематических и просодических факторов и их взаимодействия как в синхронии, так и в диахронии.

Авторы первых фонологических описаний сдвига видели причину сдвига либо в асимметрии среднеанглийской фонологической системы, в которой долгих было больше, чем кратких [Трнка, 1959, р. 440], либо в несоблюдении принципа изохронии, которая, по мнению А. Мартине, поддерживалась лишь парами /i/ — /i:/, /u/ — /u:/, тогда как остальные пары гласных различались по раствору. Поскольку, как считает А. Мартине, „фонологический опыт подсказывает, что количественная оппозиция, основанная на двух парах гласных, нестойка“, узкие и подверглись дифтонгизации, разрушив изохронию окончательно [Martinet, 1955, 10.7].

С этими доводами трудно согласиться, поскольку, как уже говорилось, именно /ī/ и /ū/ не коррелировали по долготе и краткости, что хотя и было нарушением изохронии, но не совсем в том смысле, в каком понимал это А. Мартине.

Теория Б. Трнки более реалистична. По его мнению, асимметрия в системе и выпадение из нее /ī/ и /ū/ были вызваны своеобразием удлинения /i/ и /u/ в открытом слоге, результатом которого были гласные /ē/ и /ō/. Таким образом, в XIII в., т. е. после удлинения в открытом слоге, система среднеанглийских гласных приняла следующий вид:

ī	ū
i — ē	u — ō
e — ě	o — ȝ
a — ā	

[Трнка, 1959, р. 440].

В XIV в., как отмечает Б. Трнка, /i/ и /u/ имели дифтонгоидное произношение (/i:/, /u:/), соответственно „диапазон артикуляций ē и ō расширился, и поскольку фонематически они были близки к i и u, они в конце концов сузились, т. е. сблизились с i и u фонетически“ [Трнка, 1959, р. 443]. В изменении максимально открытого гласного /ā/ Б. Трнка видит проявление общей тенденции к дифтонгизации, свойственной корреляции длительности.

В рассуждениях Б. Трнки есть два слабых звена: переход $i > ē$, $u > ō$ в открытом слоге рассматривается как спонтанный; для объяснения дифтонгизации ī, ū, ā вводится ничем не подтвержденная „тенденция, свойственная количественной корреляции“. При этом Б. Трнка ничего не говорит о характере этой корреляции и ее свойствах. Если речь идет о корреляции усечения

слога, то, как отмечает Н. С. Трубецкой, в условиях этой корреляции неусеченные гласные действительно имеют склонность к дифтонгизации [1960, с. 135]. Но, во-первых, сам Б. Трика не называет данную корреляцию корреляцией усечения слога — это утверждение было ему приписано позднее; во-вторых, Н. С. Трубецкой описывал свойства корреляции усечения слога, исходя главным образом из английского и немецкого. В действительности дифтонгизация гласных при образовании корреляции усечения слога происходит, как правило, в тех языках, где к моменту разрушения изохронии есть дифтонги, и не происходит там, где дифтонги подверглись монофтонгизации [Кузьменко, 1980]. В среднеанглийском такие дифтонги были. Правда, они были бифонемными, так как между их элементами могла проходить слоговая граница (ср.: *we-ies*, *sno-wes* 'ways, snows'), которая исчезла только после апокопы или синкопы безударных гласных конца слова.

Однако уже в среднеанглийском *i*, *u* имели второй компонент *j*, *w* (< ʒ, h'), который не отделялся ни слоговой, ни морфемной границей, поскольку они находились в односложной корневой морфеме (в словах типа *lieht*, *liht* 'light') [Иванова, Чахоян, 1976, с. 71]. Получившиеся *ij*, *uw* были здесь уже, вероятно, монофонемными, с ними слились *ī*, *ū* (< д.а. *ī*, *ū*) и потому раньше всех других гласных приобрели дифтонгоидную артикуляцию. В условиях же изохронии аллофоны в разных по типу слогах могли различаться только количественно, вследствие чего *ī* и *ū* и выпали из корреляции.

Хотя совпадение аллофонов и могло иметь место, и *i* в открытом слоге, возможно, совпадало с *ī*, ср. написание *ie* для обоих гласных [Jordan, 1925, § 52, р. 179], специфический характер *i* все же сохранился, вследствие чего он и представлен дифтонгами во всех современных английских диалектах. Что касается *ū*, то его дифтонгоидный характер оказался менее стойким, и он зачастую отходил, особенно на севере, к фонеме *u* — *ō*, образовавшейся при удлинении в открытом слоге, о чем свидетельствуют написания типа *soth* (*south*), *moth* (*mouth*) [Jordan, 1925, § 55, прим. 1]. При установлении корреляции усечения слога долгий аллофон этой фонемы приблизился по качеству к краткому, чем и объясняются монофтонгоидные рефлексy *ū* в современных северных диалектах (ср.: [hu:] *how*).

Таким образом, *ī* и *ū* действительно выпали из системы, но это выпадение было не следствием, а причиной изменения последней. Перестройка же системы состояла в том, что в условиях изохронии реализации *i*, *u* в открытом слоге совпали с реализациями ближайших к ним по раствору монофтонгов, а именно *ī* и *ō*, т.е. удлинение в открытом слоге для *i* и *u* шло с расширением, потому что *ī* и *ū* были уже дифтонгами.

Когда Б. Трика говорит о „фонематической близости“ *i*, *e* и *u*, *ō*, он не поясняет, в чем же состоит эта близость. Более того, в его работе ничего не

говорится о фонологическом статусе описываемых гласных (гласные не помещаются ни в косые, ни в квадратные скобки). Поскольку Б. Трнка говорит о коррелятивных отношениях, он, по-видимому, считает, что описываемые гласные являются реализациями самостоятельных фонем. Между тем, в условиях изохронии, как уже говорилось, распределенные дополнительно долгие и краткие гласные являются аллофонами, в данном случае аллофонами фонем /i-ē/, /u-ō/⁵. В применении к таким фонемам можно говорить о „дисперсионном поле“, так как в данном случае это понятие означает лишь аллофоническое варьирование, крайними точками которого являются предельно узкие и гласные среднего подъема. Число промежуточных (между i и e, u и o) артикуляций, равно как и их качество в этом случае, естественно, не ограничивается, крайний аллофон может реализоваться в виде относительно широкого гласного, а долгий — сужаться. Первое отражено в замене графемы i графемой e, что отмечается, начиная с XV в. [Захарьина, 1974, с. 18], второе — в современном нормативном /i:/ < с.а. /ē/.

Нужно также учесть: в тех диалектах, где /ē/ и /ē/ совпали еще в среднеанглийском, краткое /e/ отошло к фонеме /i-ē/, что еще более увеличило возможности аллофонического варьирования и проявилось в понижении e > i, ср.: git = get. Гласный /u/ также иногда отходил к фонеме /u-ō/, о чем можно судить по его рефлексам [o:], [ɔ:] в современных диалектах (Кент, Дорсетшир, Хэмпшир).

Конец сдвига — начало сдвига (Взаимодействие просодики и фонематики)

Вывод, который мы можем сделать, пересмотрев существующие интерпретации сдвига и материал, на котором они основываются, состоит в следующем: то, что считалось началом сдвига гласных, в действительности явилось окончанием его. В самом деле наиболее существенные, вернее, наиболее заметные изменения при сдвиге, т.е. изменения, приведшие к образованию гласных современного литературного языка, произошли еще в среднеанглийском. К началу ранненовоанглийского периода большинство гласных имели либо альтернативы, либо устойчивые реализации, которые при сдвиге, т.е. при изменении просодической корреляции, стали регулироваться иными, нежели в среднеанглийском, факторами.

Крупных фонетических изменений при этой смене не произошло, точнее было немного. Орфоэписты еще в XVII в. отмечали, что большинство аллофонов различались лишь количественно [Danielsson, 1963, p. 51]. Такое

⁵ Так и рассматриваются взаимоотношения долгих и кратких гласных в современных изохронических языках, напр., в шведском, ср.: [Elerst, 1964, p. 13].

положение сохранилось в ряде диалектов (говоров) в настоящее время. Сдвиг выглядит как радикальное фонетическое изменение, потому что в норме из диалектов, как мы уже отмечали, взяты наиболее контрастные реализации, т.е. /ē/ > /i:/, /o/ > /u:/, а /ī/ и /ū/ (среднеанглийские дифтонгоиды) подверглись дифтонгизации. В норме в основном зафиксированы переходы, которые не отражают обычного характера поведения неусеченных гласных в условиях корреляции усечения слога.

В такой ситуации встает вопрос: можно ли говорить о существовании корреляции усечения слога в современном литературном языке? Выше мы говорили о частичном ее разрушении, и рассмотренный материал это подтверждает. Данная корреляция сохранялась бы, если усеченные и неусеченные гласные можно было бы разбить на аллофонические пары, фонетически реализующиеся как краткий — долгий или монофтонг — дифтонг. Этого, однако, нет в современном литературном английском языке, где на такие пары разбиваются только [i — i:], [u — u:], [ə — ə:]. Вопрос о неусеченном варианте фонемы, к которой принадлежит [ɔ], уже более проблематичен, так как им может быть [o:] = [oə] и [ou]. Без пары остаются [e], [æ], [ʌ] и все дифтонги.

И тем не менее у нас нет достаточных оснований говорить о полном распаде корреляции усечения слога, так как распределение гласных все еще определяется типом слога. Существование корреляции объясняет и некоторые колебания реализации гласных (удлинение, сокращение, дифтонгизацию, монофтонгизацию), которые часто называют следующим этапом сдвига, но которые в действительности являются лишь аллофоническим варьированием гласных, допустимым в данных просодических условиях.

Заключение

Рассмотренный выше материал проливает свет на некоторые весьма сложные проблемы, связанные с Великим сдвигом гласных. Хотя причиной сдвига явилась, как неоднократно указывалось, смена просодической корреляции, сама по себе она не произвела бы столь радикальных изменений, которые произошли в действительности. В то же время изменения, нашедшие столь яркое отражение именно в сдвиге, были подготовлены в предшествующие периоды истории английского языка, вследствие чего они и прошли без какого-либо нарушения как внутри-, так и междиалектной коммуникации. Так, смена изохронии корреляцией усечения слога была вызвана изменением внутрислоговых отношений, однако просодический характер этих отношений сохранился.

Образование сдвиговых дифтонгов шло по модели бифонемных дифтонгов, которые существовали в языке и подверглись монофонемизации в ре-

зультате отпадения конечного -е, т.е. одновременно со сдвигом. Варьирование гласных, послуживших ядрами сдвиговых дифтонгов, наблюдалось уже в среднеанглийском, где также существовали и отношения, определившие сужение гласных при сдвиге.

SEVERAL ASPECTS OF THE GREAT VOWEL SHIFT AND MIDDLE ENGLISH LENGTHENING IN THE OPEN SYLLABLE

E. I. MYACHINSKAYA

Summary

Quantity in Middle English was based upon interrelation of vowel consonant length within the syllable (isochrony). This means that the length was positionally determined and its variation should be regarded as allophonic, and long and short vowels of similar quality should be grouped into phonemes of the type $\sqrt{V}-\bar{V}$, $\sqrt{C}-\bar{C}$. However the pattern was destroyed from the very beginning by the diphthongoid pronunciation acquired by M. E. $\bar{i}$ and $\bar{u}$, which thus could not be grouped into phonemes with the respective short vowels. The latter became allophones of the same phonemes as $\bar{e}$, $\bar{o}$ — nearest in aperture. This explains the development of $\bar{e}$ and $\bar{o}$ in the Great Vowel Shift, the direction of the change being qualitative towards the short counterpart. This shows that many changes in the vowel shift were determined by the relations existing within the M. E. vowel system.

ЛИТЕРАТУРА

Захарьяна, 1974 — Захарьяна Н. Г. Становление усеченных гласных в ранневоанглийском: Автореф. дис.: ... канд. филол. наук. — Л., 1974.

Иванова, Чахоян, 1976 — Иванова И. П., Чахоян Л. П. История английского языка. — М., 1976.

Кузьменко, 1980 — Кузьменко Ю. К. Сдвиг гласных в германских языках. — В кн.: Взаимодействие языковых структур в системе. Л., 1980, с. 143—147.

Мячинская, 1979 — Мячинская Э. И. Отражение Великого сдвига гласных в современных английских диалектах: Автореф. дис. канд. филол. наук. — Л., 1979.

Мячинская, Клейнер, 1980 — Мячинская Э. И., Клейнер Ю. А. Корреляция усечения слога и ее использование в изучении вокализма английского языка. — В кн.: Взаимодействие языковых структур в системе. Л., 1980, с. 147—155.

Плоткин, 1976 — Плоткин В. Я. Очерк диахронической фонологии английского языка. — М., 1976.

Смирницкий, 1965 — Смирницкий А. И. История английского языка. — М., 1965.

Трубецкой, 1960 — Трубецкой Н. С. Основы фонологии. — М., 1960.

Danielsson, 1963 — Danielsson V. John Hart's Works on English Orthography and Pronunciation (1551, 1569, 1570). — Stockholm, 1963, Pt. 2.

Dobson, 1957 — Dobson E. English Pronunciation 1500—1700. Vol. 2. Phonology. — Oxford, 1957.

Elert, 1964 — Elert C. Phonological Studies of Quantity in Swedish. — Uppsala, 1964.

Ellis, 1889 — Ellis A. On Early English Pronunciation with Special Reference to Shakespeare and Chaucer. — London, 1889.

Gimson, 1964 – Gimson A. Phonetic Change and the RP Vowel System. – In: In Honour of Daniel Jones. London, 1964, p. 131–136.

Jassem, 1953 – Jassem W. Regular Changes of Vocalic Quantity in Early New English. – *Biuletyn Polskiego Towarzystwa Językoznawczego*, 1953, XII, p. 149–178.

Jordan, 1925 – Jordan R. *Handbuch der mittenglischen Grammatik. Teil I: Lautlehre.* – Heidelberg, 1925.

Koepfel, 1900 – Koepfel E. Zur Frage der Dehnung von a.e. i – zu m.e. e. – *Archiv für das Studium der neueren Sprachen und Literaturen*, 1900, B. CIV, S. 127–129.

Luick, 1903 – Luick K. *Studien zur englischen Lautgeschichte.* – *Wiener Beiträge zur englischen Philologie. B. XVII.* – Wien, 1903.

Luick, 1964 – Luick K. *Historische Grammatik der englischen Sprache. Vol. I* – Cambridge, Mass., 1964.

Martinet, 1955 – Martinet A. *Économie des changements phonétiques.* – Bern, 1955.

Orton, 1962–1973 – Orton H. *Survey of English Dialects.* – Leeds, 1962–1973.

Sarrazin, 1898 – Sarrazin G. *Mittelenglische Vokaldehnung in offener Silbe.* – *Archiv für das Studium der neueren Sprachen und Literaturen*, 1898, B. CI, S. 65–86.

Trnka, 1959 – Trnka B. A Phonematic Aspect of the Great Vowel Shift. – In: *Mélanges de linguistique et de philologie. Fernand Mossé in memoriam.* Paris, 1959, p. 440–443.

Wright, 1957 – Wright J. *An Elementary Middle English Grammar.* – Oxford, 1957.

Wyld, 1936 – Wyld H. *A History of Modern Colloquial English.* – Oxford, 1936.

Leningrado A. A. *Ždanovo universitetas*

Įteikta

1982 m. rugsėjo mėn.